

ЕЛЕНА
ШТАЕРМАН

Было ли падение
**РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Весь мир

Елена Штаерман

**Было ли падение
Римской империи**

«Алисторус»

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)323

Штаерман Е. М.

Было ли падение Римской империи / Е. М. Штаерман —
«Алисторус», — (Весь мир)

ISBN 978-5-00269-468-6

Все мы знакомы с популярным изложением мифа о падении Римской империи. «Падение нравов», «коррупция», «вторжение варваров»... Эти клише знакомы каждому. Однако советский историк Елена Штаерман поставила под сомнение такую картину. Она показывает, как миф о падении Римской империи был искусственно сконструирован англосаксонскими пуританскими авторами в XVIII–XIX веках. Они видели Британию как новый Рим и хотели обосновать, почему им необходимо подавлять колонии («бороться с варварами») и держать в узде жителей метрополии («охранять нравы»). Миф о падении Рима — это не более чем пропагандистская моральная притча, а не историческая реальность. Что же произошло с народами империи после отречения Ромула Августа в 476 году? Что стало с прекрасными римскими дорогами и акведуками? Как изменился уровень культуры? Обо всем этом и рассказывает данная книга.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)323

ISBN 978-5-00269-468-6

© Штаерман Е. М.
© Алисторус

Содержание

Введение. Античность и современность	6
Глава 1. Творцы и носители античной культуры	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Штаерман
Было ли падение Римской империи

© Штаерман Е. М., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение. Античность и современность

Какое значение имеет для современного человека изучение античного мира и его культуры? На этот нередко возникающий вопрос могут быть даны два ответа. Ответ первый вытекает из того значения, которое античное наследие имело для генезиса и развития современной культуры. Соответствующие факты столь многочисленны и столь общеизвестны, что нет необходимости подробно на них останавливаться. Почти в любой области античной культуры, будь то изобразительное искусство, театр, философия, право, наука, этика, мы найдем идеи, теории, к или иначе повлиявшие на аналогичные сферы культуры средних веков, Возрождения, современности. Поэтому без знакомства с античной культурой нельзя понять не только всю последующую историю культуры, но и множество заимствованных у греков и римлян образов, сюжетов, мыслей, постоянно встречающихся в скульптуре, живописи, художественной, философской, научной литературе.

Второй ответ в значительной мере связан с первым, но опирается на некие более общие предпосылки. Именно вследствие того значения, которое наследие античного мира имело для последующей истории, особенно для истории Европы, оно издавна стало арсеналом оружия идеологов самых различных политических течений¹. Одни вдохновлялись примером тех или иных деятелей, идеализированных и достаточно произвольно интерпретированных, – «борцов за народное дело» Гракхов, «тираноборцев», убийц Цезаря – Брута и Кассия, самого Цезаря и т. д. Даже в наше время, в годы второй мировой войны и после нее, на Западе появилась целая серия написанных как специалистами, так и дилетантами книг и брошюр о Цицероне, Цезаре, Августе, авторы которых иллюстрировали свои политические симпатии и антипатии образами избранных ими персонажей. Известный французский историк Ж. Каркопино, бывший министром вишийского правительства, всячески превозносил Цезаря и его политику как в Риме, так и в покоренной им Галлии. Напротив, те, кто не примирился с гитлеровской оккупацией Франции, подняли на щит как национального героя Верцингеторига, вождя галлов в их последней и самой серьезной попытке организовать сопротивление Цезарю.

Историки и политические деятели во все времена обращались к греко-римской истории не только в связи с характеристикой отдельных личностей, но и изучая те периоды античной истории, которые, по их мнению, давали более всего нужный им материал. Так, например, в XIX в. в Англии во время борьбы за расширение и укрепление буржуазной демократии особенно детально исследовалась афинская демократия. Знаменитый немецкий историк Т. Моммзен, сторонник объединения Германии под сильной властью монарха, в своей пользовавшейся широкой популярностью «Римской истории» основное внимание уделял эпохе гражданских войн, окончившихся, с его точки зрения, поражением прогнившей сенатской аристократии и утверждением «демократической монархии» Цезаря². Когда в середине XIX в. особенно актуальной была проблема буржуазных конституций, тщательнейшим образом изучался римский государственный строй: права и обязанности магистратов, сената, народного собрания, различные полномочия и титулы римских императоров и юридическое обоснование их власти³. Острота аграрного вопроса в пореформенной России вызвала к жизни ряд исследований римских аграрных отношений⁴, движение за освобождение от рабства американских негров обост-

¹ См. подробнее ст.: Е. М. Штаерман. Современная американская литература по истории Древнего Рима. – «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1949, № 4, стр. 201–210; она же. Цезарь и Цицерон в современной буржуазной литературе. – ВДИ, 1950, № 3, стр. 152–160; она же. Древняя Галлия (обзор послевоенной буржуазной историографии). – ВДИ, 1951, № 1, стр. 209–215.

² См.: Т. Моммзен. История Рима, т. III. М., 1941.

³ Обзор литературы см. в кн.: Н. А. Машкин. Принципат Августа. М., 1949, стр. 338–376.

⁴ См., например, кн.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения. СПб., 1899.

рило интерес к античному рабству, трактовавшемуся как институт, во-первых, аморальный, а во-вторых, пагубно повлиявший на судьбы античного мира⁵.

Однако, пожалуй, наибольший интерес представляет та роль, которую античность играет в различных концепциях философии истории, тесно связанных с общефилософскими, мировоззренческими направлениями⁶.

В современной западной научно-популярной литературе постоянно звучат призывы учиться на опыте античного мира. При этом не просто сопоставляются, а отождествляются такие явления, как, например, римские и современные войны, Римская империя и колониальные державы; регулирование экономики, проводившееся римским и современными государствами; античные и раннехристианские утопии и современный социализм и т. д. В таких конструкциях игнорируется тот, казалось бы, самоочевидный факт, что в обществах, столь различных по своему техническому потенциалу, организации производства, социальной структуре, политическому строю, как общества античные и современное буржуазное, сходные иногда по внешности явления и процессы не только могут, но и должны приводить к разным результатам и играть разную роль.

⁵ См.: А. Валлон. История рабства в античном мире. М., 1941.

⁶ См.: Е. М. Штаерман. Античность в современных западных историко-философских теориях. – ВДИ, 1967, № 3, стр. 3–24.

Елена Штаерман.

Многие западные историки-теоретики, исходя из своих общефилософских концепций всемирно-исторического процесса, стремились и стремятся обосновать правомерность широкого использования исторических аналогий, особенно между античностью и современностью. В первую очередь это относится к тем из них, которые рассматривают всемирную историю как смену более или менее замкнутых комплексов – эпох, культур, цивилизаций. Каждая такая целостность, согласно их концепции, пройдя стадии рождения, роста, зрелости и упадка, гибнет, уступая место новой целостности, в свою очередь проходящей тот же цикл. Такие циклические теории довольно многочисленны и строятся на различных исходных положениях, на различных подходах к историческому материалу⁷.

⁷ Критику циклических концепций см. в кн.: Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

Некоторые ученые, например немецкий историк Эдуард Мейер и близкий к нему автор всемирной истории Курт Брейсиг⁸, исходят в основном из политических и экономических факторов. Античный мир, в их трактовке, так же как современная Европа, прошел через эпохи первобытности, средневековья (т. е. феодализма) и нового и новейшего времени (т. е. капитализма).

Авторы циклических концепций другого типа (наиболее известен А. Тойнби⁹, но на сходной точке зрения стоят и многие иные, например, американские культурологи Кребер¹⁰, Ф. Багби¹¹, историк К. Квили¹², английский социолог Л. Мамфорд¹³) принимают за единицу исторического процесса и исторического исследования культуру, или цивилизацию, т. е. некий ограниченный во времени и пространстве общественный организм. Принципы выделения таких организмов и соответственно число существовавших или ныне существующих культур (или цивилизаций) у различных авторов различны, но в центре их интересов стоит западноевропейская культура (или цивилизация), а моделью, эталоном для выявления закономерностей движения цивилизаций служит античность.

На основе главным образом интерпретации истории античности строится и несколько иной вариант циклической смены культур, принимающий за единицу исторического процесса определенный тип культуры, не связанный с временем и пространством. На такой позиции стоят, например, испанский философ Ортега-и-Гассет¹⁴ и американский социолог Ф. Нортроп¹⁵.

Перечисленные концепции неприемлемы не только для историков-марксистов, но неоднократно подвергались критике и со стороны ряда прогрессивных западных историков и социологов. При всем существенном различии каждой из них присущи некоторые общие и как раз наиболее уязвимые пункты. Все они игнорируют или отодвигают далеко на задний план материальную жизнь общества. Им не только чуждо представление о последовательной смене социально-экономических формаций, но они даже не задаются вопросом о том, чем с точки зрения форм собственности, эксплуатации, социальной структуры и общественных связей отличается, например, античное рабовладельческое общество от капиталистического, какова разница между античным рабовладельцем и современным капиталистом, между античными рабами и наемными рабочими буржуазного мира, между классовой борьбой, степенью развития классового самосознания, возможностями коренного переустройства общественных отношений в древности и теперь. Взаимосвязь между базисом и надстройкой, между способом производства и определяемыми им воззрениями на природу, общество, человека, его задачи и цели, воззрениями, обуславливающими самый характер культуры, они переворачивают с ног на голову. Отсюда непонимание того факта, что закономерности развития каждой формации, а следовательно, и ее культуры, определяются специфическими, только ей присущими условиями, и ими же определяется конечный итог этого развития.

Всем этим концепциям свойственна также реакционная идеализация ранних периодов различных цивилизаций, когда низшие якобы добровольно повиновались высшим, а религиозность и основанная на вере мораль обуславливали наивысшую способность к творчеству.

⁸ См.: K. Breysig. *Der Stufengang der Weltgeschichte*. Berlin, 1956.

⁹ Итоги своему многолетнему труду с учетом мнений критиков и с некоторыми исправлениями первоначальных положений А. Тойнби подводит в кн.: A. Toynbee. *A Study of History*, v. XII. Oxford, 1961.

¹⁰ См.: A. Kroeber. *Style and Civilizations*. N. Y., 1960.

¹¹ См.: Ph. Bagby. *Culture and History*. N. Y., 1958.

¹² См.: C. Quigley. *The Evolution of Civilisations*. N. Y., 1960.

¹³ См.: L. Mumford. *The City in History. Its Origins, its Transformation and its Prospects*. London, 1961.

¹⁴ См.: Ortega y Gasset. *Una interpretacion de la Historia Universal en torno a Toynbee*. Madrid, 1959; он же. *Man and Crisis*. N. Y. 1958.

¹⁵ См.: F. Northrop. *Philosophical Anthropology and Practical Politics*. N. Y., 1962.

Наконец все или почти все циклические концепции родились из твердой уверенности их авторов в глубоком кризисе, упадке и неотвратимой или отвратимой лишь с большим трудом гибели современной европейской культуры. Поэтому тема кризиса цивилизаций и в первую очередь цивилизации античной занимает в их исследованиях главенствующее место.

Циклические концепции пользуются популярностью в тех кругах историков, которые сознательно или бессознательно отождествляют всю современную культуру с культурой буржуазной, и в симптомах упадка последней видят доказательство гибели культуры вообще. Соответственно и разложение античной культуры как таковой трактуется ими как всеобщий абсолютный упадок, преддверие «темных веков», соотношение гибнущего старого и рождающегося нового остается в стороне.

Неправильное использование сравнительно-исторического метода, приводящее к вульгарной модернизации истории и созданию циклических концепций, не означает, однако, что самый этот метод порочен. Напротив, должным образом использованный, он позволяет выявить ряд частных и общих исторических закономерностей. К. Маркс, сравнивая обезземливание римских крестьян во II–I вв. до н. э. и западноевропейских крестьян периода становления капитализма, сформулировал мысль о внешне поразительно сходных процессах, которые в разной исторической среде приводят к различным результатам (в Риме этот процесс, как известно, привел не к капиталистическому, а развитому рабовладельческому производству), и о том познавательном значении, какое имеет такое сопоставление¹⁶. К. Маркс вообще неоднократно обращался к античному материалу, сравнивая различные явления античной и капиталистической экономики, противопоставляя их и анализируя полученные от такого сравнения и противопоставления результаты. Такое сравнение в известной мере заменяет не всегда возможный в исторической науке эксперимент. Античный же мир особенно пригоден в качестве такой, условно говоря, лаборатории, поскольку ему в большей мере, чем иным предшествовавшим античности, с нею сосуществовавшим и непосредственно сменившим ее обществам, убыли присущи некоторые черты, не делавшие греко-римский мир капиталистическим, но получившие свое полное развитие при капитализме.

В. И. Ленин в заметках, которые он делал при чтении «Метафизики» Аристотеля, подчеркивал, что античные философы ставили перед собой вопросы, впоследствии вставшие и перед философами нового времени, и что их теории при всей, с нашей точки зрения, наивности, были как бы «пробными системами» по сравнению с философскими концепциями современности¹⁷, подобными «пробными системами», как бы черновыми набросками, были и некоторые другие черты античности.

Таким образом, как мы видим, история античного мира и его культуры служит не только предметом исследования небольшой группы ученых, но является неиссякающим источником идей и концепций, игравших и играющих немаловажную роль в идеологической и политической борьбе. Отсюда особая актуальность изучения античности. Оно имеет целью не только критику антимарксистских концепций, но и более глубокое понимание закономерностей всемирно-исторического процесса.

¹⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 120–121.

¹⁷ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 326.

Глава 1. Творцы и носители античной культуры

Кризис античной культуры по-разному понимался и понимается различными историками в зависимости от их общих, часто субъективных оценок этой культуры. Те, кто наивысшее ее достижение видел в искусстве, литературе, философии периода расцвета афинской демократии (VI–IV вв. до н. э.), всю последующую историю древности относили к эпохе упадка. Другие, напротив, высоко оценивали научные, технические и художественные достижения последующих веков, в частности римской культуры I в. до н. э. – I в. н. э., включая и эти века в период поступательного развития античности. Кризис для них датируется временем распространения в Римской империи восточных мистических учений, отхода от канонов античного искусства, основ античного мировосприятия и тому подобных явлений.

Исследователи-марксисты не отрывают историю развития культуры от истории породившей ее формации. Упадок экономики, основывавшейся на рабовладельческом способе производства, начался в Италии с конца I, в провинциях с середины II в. н. э. Тогда же стали зарождаться, а затем все более развиваться элементы будущего феодального способа производства. Рабовладельческая формация исчерпала возможности дальнейшего развития и соответственно исчерпала свои возможности та порожденная ею идеология, на которой зиждилась античная культура в пору расцвета создавшего ее общества. Попытки возродить ее, как мы увидим далее, оставались тщетными, новые идеи овладевали умами. С этого времени и начинается кризис культуры.

Однако следует учитывать, что ни античная культура, ни античный мир никогда не были неким вполне однородным целым. В некоторые периоды могло казаться, что греческая, а затем римская культура безраздельно господствовали во всем Средиземноморье. Но на самом деле ни специфические туземные социально-экономические отношения, ни культуры стран и народов, покоренных греками, а затем римлянами, никогда не умирали, а со временем, с упадком античных рабовладельческих отношений, они снова выдвигались на передний план. По мере упадка Римской империи разнородность ее частей становилась все более заметной.

Ядро и основы античной культуры сложились в наиболее передовых греческих городах-государствах – полисах, в первую очередь в Афинах. После завоевания Александром Македонским северо-западной Азии и Египта она распространилась в созданных преемниками Александра эллинистических царствах, вошла в соприкосновение с туземными культурами, частично влияя на них, частично испытывая их влияние. Возникла новая эллинистическая культура, оттеснившая, но не вытеснившая полностью древние культуры Востока. Когда на международную арену вышел Рим, покоривший одно за другим эллинистические царства и греческие полисы, Северную Африку, Западное Средиземноморье и придунайские территории, эллинистическая культура слилась с римской, и это сложное, синкретическое целое распространилось по всей огромной территории Римской державы. Повсюду возникли однотипные по планировке и устройству города, села, имения, так называемые виллы; в официальной практике и деловой жизни, в школьном обучении и литературе господствовали латинский и греческий языки; туземные боги стали отождествляться с греческими и римскими, их называли римскими и греческими именами, изображали в соответствии с заимствованными у греков и римлян стереотипами, чтили в святилищах, построенных по греко-римскому образцу. Провинциалы не только знакомились с греко-римской литературой, философией, ораторским искусством, правом, наукой, но и сами вносили богатый вклад во все эти отрасли культуры, учились и преподавали в Афинах и Риме, распространяли затем полученные знания среди своих соплеменников.

До недавнего времени в литературе по истории античности господствовало мнение о полной эллинизации и романизации римских провинций, но постепенно стало выясняться, что

процесс этот далеко не всегда был так глубок, как это представлялось, и протекал очень неравномерно, так что в ряде случаев, как уже говорилось выше, культуры населявших римские провинции народов и племен продолжали жить и развиваться под внешним покровом эллинизации и романизации.

Вандал Стилихон – один из величайших полководцев позднего Рима.

В качестве факторов, способствовавших романизации, обычно называют: расселение по провинциям римских граждан; тягу провинциалов к образу жизни и культуре римлян и греков; оживленные торговые сношения между провинциями и Италией, где приезжие провинциалы знакомились с местными обычаями; службу провинциалов в римской армии, где за 20–25 лет пребывания в легионах или во вспомогательных частях солдаты осваивали язык, религию и идеологию римлян, а затем, выйдя в отставку и получив в награду римское гражданство и земельный надел на родине, становились там оплотом римского господства и проводниками римского влияния; распространение в провинциях римского гражданства, первоначально предоставлявшегося весьма скупое, но постепенно дававшегося все большему и большему числу провинциалов, пока в 212 г. император Каракалла не объявил римскими гражданами всех уроженцев империи.

Все эти факторы, конечно, играли значительную роль, но только тогда, когда почва для их воздействия была уже подготовлена, так как культурной эллинизации и романизации должна была предшествовать социальная. Дело в том, что античная культура формировалась и развивалась как культура античного города-государства, полиса, и только там, где возникали и прививались поселения городского типа, аналогичные полису, могла глубоко прививаться и античная культура.

Полис в период своего возникновения и расцвета, как мы можем судить на основании наших сведений об Афинах, Риме и некоторых других городах-государствах, представлял собой общину граждан, совместно владевших принадлежавшей городу территорией, часть которой оставалась в коллективной собственности, а часть разбивалась на наделы, отводившиеся главам семей, в Риме именовавшихся «фамилиями». Глава семьи – «отец фамилии» распоряжался землей и всем прочим имуществом, а также трудом находившихся под его властью членов семьи: жены, сыновей и их потомков, незамужних дочерей и причислявшихся к «фамилии» рабов и вольноотпущенников. Его власть распространялась также на входивших отчасти в «фамилию» наемных работников и так называемых клиентов, неимущих, несамостоятельных, неполноправных людей, отдававшихся под покровительство (патронат) главы фамилии. «Отец фамилии» представлял перед общиной интересы своих подчиненных и был обязан неуклонно заботиться о том, чтобы его земля хорошо обрабатывалась и чтобы его наследники получили семейное имущество не только в полной сохранности, но и по возможности преумноженным. В древнейшем Риме «хороший земледелец», рачительный глава фамилии были синонимами «хорошего гражданина».

Высшим органом такой общины было народное собрание, в котором участвовали все свободнорожденные мужчины, достигшие определенного возраста и составлявшие одновременно народное ополчение, призывавшиеся под оружие по мере надобности. Народное собрание принимало или отвергало законы, подтверждало или отменяло решения по важнейшим судебным делам, решало вопросы войны и мира, выбирало годичных магистратов, которые по выходе в отставку включались в совет старейшин (в Риме – сенат) – постоянно действовавший орган управления. Граждане были политически и юридически равноправны и по крайней мере в принципе имели право на получение земельного участка и в случае нужды материального вспомоществования от государства. Порабощение сограждан категорически воспрещалось, долговая кабала, хотя окончательно ее изжить не удавалось и по временам она получала значительное распространение, встречала противодействие и ограничивалась. Исключалась столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. Кровнородственные, территориальные и профессиональные объединения существовали, но не играли, как-то имело место в ряде докапиталистических обществ, роли промежуточного звена между гражданином и государством. Связь между тем и другим была непо-

средственной. Постепенно даже клиенты эмансипировались из-под власти патронов, и связь их с государством также стала непосредственной.

Гражданин был обязан добросовестно выполнять свои обязанности воина и участника – в той или иной роли – управления общественными делами полиса (общественное дело по-латыни *res publica*, отсюда возник термин «республика»), соблюдать законы, обычаи, участвовать в культе признанных государством богов, отправляя установленные обряды и священнодействия. Но в остальном его свобода, по выражению римского историка Тацита, «думать, что хочешь, и говорить, что думаешь»¹⁸, не стеснялась. Скрупулезно соблюдая все предписания культа богов-покровителей фамилии, имени и государства, гражданин, даже будучи избран на должность жреца, мог открыто высказывать любые суждения о богах, включая отрицание их существования. Не жалея сил на службе существующему государственному строю, он мог доказывать предпочтительность иного и т. п. В эти времена, по выражению того же Тацита, карали за действия, а не за слова.

Подобный, в значительной мере своеобразный для той эпохи строй установился в результате длительной борьбы простого народа с закабалявшей и порабошавшей его родоплеменной знатью и победы, одержанной демосом (народом) в ряде городов Греции и плебсом (простонародьем) в Риме. Победа эта была в одних случаях более, в других менее полной, что обуславливало большую или меньшую демократичность античного города-государства. Наиболее демократичным было устройство Афин, где важную роль играли торгово-ремесленные слои. В исконно земледельческом Риме, несмотря на равноправие граждан, большое значение имело их сословное деление. Высшее сословие составляли сенаторы, они обычно были наиболее крупными землевладельцами, потомственными членами сената и из их числа по большей части выходили наиболее видные государственные деятели и полководцы. Члены аристократических родов имели большое число клиентов, которые и после политической эмансипации оставались связанными с ними моральными, а часто и материальными узами, получая от патронов земельные участки за определенные взносы и повинности. Клиенты знати вербовались и из городской бедноты, получая от патронов различные подачки и поддерживая их за это своими голосами в народном собрании. Несмотря на довольно значительное развитие ремесла и торговли, ремесленники и торговцы считались менее уважаемыми гражданами, чем владельцы хотя бы небольших имений.

Все это делало римское общество значительно более иерархичным и аристократическим, чем афинское. Тем не менее и Рим был городом-государством, базировавшимся на политическом и юридическом равноправии сограждан, где каждый гражданин имел право, если не на имущественное равенство со всеми остальными членами гражданской общины, то по крайней мере на обеспечение тем или иным путем прожиточного минимума, достаточного для экономической независимости и самостоятельности.

В городе-государстве только гражданин мог быть собственником земли, и в принципе каждый гражданин должен был быть собственником. Такой строй обуславливал ряд явлений в экономической, социальной, политической и идеологической жизни, определявших условия функционирования и развития городов-государств и их культуры. Остановимся на некоторых из них.

Сама гражданская община, собственник общественной земли, гарант отношений между гражданами, как ее совладельцами и владельцами своих частных наделов, организатор предпринимавшихся ко всеобщей пользе общественных работ была, по словам К. Маркса, крупнейшей производительной силой, необходимым условием жизни и деятельности ее сочленов¹⁹. Поэтому гражданская община была для них высшей ценностью. Противопоставление личности

¹⁸ Корнелий Тацит. Сочинения, т. I–II. Л., 1969, «История», I, 1.

¹⁹ Об античной гражданской общине см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. (Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 461–508).

обществу, индивида коллективу в то время не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого. Не было и противопоставления гражданина государству, ибо само государство было представлено совокупностью граждан. Характерно, что ни на греческом, ни на латинском языке даже не было термина, адекватного нашему понятию «государство». Если буржуазное понимание свободы, сложившееся в ту эпоху, когда буржуазия выступала против феодального абсолютистского государства и церкви, предполагало уничтожение их гнета, независимости от них гражданина в своих действиях и суждениях, то гражданин античного полиса не мыслил себе свободы вне его, поскольку свободу ему обеспечивала лишь принадлежность к свободной гражданской общине, охранявшей его права. С другой стороны, теснейшая взаимосвязь понятий «гражданин» и «собственник» обуславливала понимание свободы как экономической независимости самостоятельного хозяина. У римлян во все времена было твердое убеждение, что, как писал один из ранних римских драматургов, «не может быть свободным работающий на другого»²⁰. Не полностью же свободный не был уже и полноценным гражданином. Действительно, в условиях, когда наемный работник включался в фамилию работодателя, а мелкий арендатор земли попадал в положение клиента землевладельца, то, хотя ни тот, ни другой своих политических прав не теряли, они попадали в зависимость, ограничивавшую в известной степени их свободное волеизъявление, необходимый атрибут этих прав. Так, например, во время гражданских войн конца Римской республики некоторые крупные землевладельцы, принадлежавшие к партии сената, составляли вооруженные отряды из своих арендаторов-клиентов и те вынуждены были сражаться за них, независимо от своих личных убеждений, вопреки исконным античным представлениям, согласно которым не только правом, но и обязанностью гражданина было в случае междоусобиц свободно выбирать ту сторону, к которой он считал нужным примкнуть, содействуя ее победе.

Сохранение я правильное функционирование города-государства предполагали поэтому стабильность численности населения, соответствовавшей размерам земельной площади, и максимальное сокращение числа тех неимущих и экономически зависящих от других лиц, которые теоретически и фактически не были полноценными гражданами. Отсюда постоянные войны за захват новых земель для наделения участками обедневших граждан и ради добычи, за счет которой государство могло их поддерживать; отсюда же то затухавшая, то вновь вспыхивавшая борьба за установление земельного максимума и передел находившихся в частном владении излишков, за наделение неимущих участками из общественного земельного фонда, неуклонное соблюдение обычая, согласно которому богатые обязаны были тратить часть своих доходов на общественные нужды и помощь бедным согражданам. Отсюда же ненависть к ростовщикам и спекулировавшим на дороговизне купцам, которые разоряли самостоятельных хозяев, лишали их независимости и подрывали тем единство гражданского коллектива, и постоянные, хотя и не всегда успешные, попытки нормировать ростовщический процент, устанавливать максимум цен на предметы первой необходимости, а в особенно кризисные моменты требование бедноты объявить законодательное сложение всех долгов. Отвращение к пагубной для гражданских общин и отдельных граждан деятельности ростовщиков и купцов порождало стремление к автаркии, т. е. к удовлетворению нужд за счет внутренних ресурсов собственного хозяйства, без необходимости прибегать к рынку и денежному обращению.

Та же социальная психология в значительной мере лимитировала возможности технического прогресса. Хотя греки и римляне знали не только ряд более простых машин, но и движущую силу пара и умели делать разные автоматы, механизация в их производстве почти не имела места. Причина этого явления хорошо показана в двух, правда, уже позднейших анекдотах, об императорах I в.н.э. Тиберии и Веспасиане. Тиберий якобы приказал казнить изобрета-

²⁰ Actius. Brutus, Fragmenta, 18.

теля небьющегося ковкаю стекла, дабы его изобретение не разорило кузнецов²¹. Веспасиан же, когда к нему явился человек, сконструировавший машину для переноски тяжестей на больших строительных государственных работах, правда, не казнил конструктора и даже наградил за ум и старание, но от машины отказался, чтобы не лишить заработка занятого на строительстве простого народа²². Большинство усовершенствований и нововведений в античном производстве имело целью улучшить качество и увеличить разнообразие производимых предметов, но не сократить и сэкономить рабочую силу, что особенно ярко и наглядно иллюстрирует глубокую разницу между античным и капиталистическим хозяйствами.

Важнейшим результатом установления полисного строя было развитие рабства в его специфической для античного мира форме. Запрещение порабощать сограждан, сокращение долговой кабалы, более или менее полное исчезновение юридической и политической зависимости одних сочленов гражданской общины от других, наделение земель неимущих крайне сузили, во всяком случае в периоды расцвета городов-государств, те возможности эксплуатации соплеменников, которые были характерны для других докапиталистических обществ. Потребность в дополнительном труде могла удовлетворяться в основном за счет порабощения лиц, стоявших вне гражданской общины, будь то граждане других полисов, или люди из сопредельного античным городам племенного с точки зрения греков и римлян «варварского» мира. В рабов обращали пленных, их покупали у соседних племен, у пиратов, весьма многочисленных в древности и наживавшихся, между прочим, на продаже захваченных в прибрежных городах и поселениях людей. Рабами становились и дети рабынь. Но независимо от происхождения раба его отличала полная непричастность к праву и институтам города-государства. Господин сам карал его за проступки, совершенные в рамках фамилии, и отвечал перед государством за действия раба, нанесшие вред другому лицу или обществу. Не будучи юридически правоспособным, раб не мог иметь признаваемую законом семью и собственность, хотя фактически рабы нередко имели жен и детей, а господа выделяли им какое-нибудь имущество – в Риме оно называлось пекулием, – которым раб более или менее произвольно распоряжался, совершая различные сделки, и ответственность за которые опять-таки нес господин. Не имея признанной семьи, рабы не имели и семейных святынь, семейного культа, игравшего большую роль в жизни граждан. В одной речи, включенной в предназначенный для изучающих ораторское искусство сборник упражнений, сын выступает против отца, вознамерившегося выдать дочь за раба, спасшего ее во время гражданской войны. Рисуя всю несообразность и даже преступность такого брака, оратор, между прочим, подчеркивает и отсутствие у раба домашнего алтаря, к которому он бы мог привести новобрачную. Даже самый бедный, но свободный зять мог бы присоединить свои семейные святыни к святыням тестя, раб же стоит вне какой-нибудь религии²³. По мнению свободных граждан, рабы не имели и никаких нравственных устоев. Если раб не солгал, говорится в одной старинной комедии, то это такое чудо, которое подобно небесному знамению²⁴. «Рабские чувства», «рабская душа» были для гражданина синонимом всякой мерзости, а сознание, что он сам поступил не так, как подобает свободнорожденному, а как пристало только рабу, должно было наполнять его чувством стыда.

Таким образом, античное общества в значительной мере жило за счет тех, кто во всех отношениях стоял вне этого общества. Рабы постепенно проникали во все сферы жизни. Они были заняты не только в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, использовались не только в качестве домашних слуг, но – и это особенно характерно для Рима – играли большую роль в культурной жизни и управлении. Когда Рим с беспрецедентной почти быстротой стал

²¹ См.: Plinius. *Historia Naturalis*, XXXV, 46, 3.

²² См.: Гай Светоний Транквилл. *Жизнь двенадцати цезарей*. М., 1964, Божественный Веспасиан, 18.

²³ Эта речь включена в сборник риторических упражнений Сенеки Старшего (*Seneca Senior. Controversia*, III, 21).

²⁴ См.: Теренций. *Комедии*. М. – Л., 1934, Девушка с Андроса, IV, 3.

превращаться из небольшого, в основном аграрного, с довольно примитивной культурой (для греков римляне еще долго оставались «варварами») города в центр мировой державы, быстрый рост потребности в интеллигентных, квалифицированных кадрах еще не мог удовлетворяться за счет самих римлян. Привозившиеся из эллинских городов Греции, Азии, Южной Италии рабы, имевшие хорошее образование или высокие профессиональные навыки, использовались не только как искусные земледельцы и ремесленники, но и как управляющие хозяйством и доверенные агенты господ, педагоги, врачи, музыканты, актеры. Из рабов, впоследствии получивших вольную, вышли многие римские драматурги, поэты, ученые и учителя времен республики.

На закате республики ни одна политическая интрига не обходилась без участия рабов и отпущенников заинтересованных лиц. Через них передавали взятки магистратам и судьям, покупали голоса в народном собрании, распускали в народе различные слухи, вербовали сторонников в объединяющих плебеев профессиональных, соседских и культовых коллегиях, в которые часто входили и несвободнорожденные, включали рабов в вооруженные отряды, участвовавшие в стычках на той или иной стороне, и т. д. Римские наместники, отправляясь в провинции, брали с собой доверенных рабов и вольноотпущенников, составлявших ядро их административного аппарата, причем некоторые из них, пользуясь высоким положением своих господ, собственной сообразительностью и запуганностью провинциалов, наживали огромное состояние и приобретали большое влияние. С установлением империи рабы и отпущенники императоров составляли очень значительный процент персонала, занятого в управлении империей, и зачастую их фактическая роль в центральной и провинциальной администрации была гораздо значительнее, чем многих свободнорожденных даже из высших сословий.

И все же, принимая столь непосредственное и повседневное участие в жизни граждан, рабы оставались вне их общины, их права, их морали. Это свойственное античному миру своеобразие оказывало большое влияние на все стороны его жизни, в частности на социально-политические и этические теории. Проблема свободы и рабства в плане как реальном, так и духовном, моральном приобретала по мере развития рабства большую остроту. Особенно актуальной она становилась в те периоды, когда в результате частых войн многие свободнорожденные и даже видные у себя на родине люди попадали в рабство, покоренные полисы теряли независимость, политическое устройство из демократического превращалось в аристократическое или монархическое, в результате чего начинала ущемляться свобода, считавшаяся в эпоху расцвета самостоятельных городов-государств неотъемлемым атрибутом гражданина. Тогда рушилась первоначальная наивная уверенность в том, что «варвары», составлявшие основной контингент рабов на более ранних этапах, самой природой предназначены для рабства, что природа отделила непроходимой пропастью свободного от раба, и весь комплекс вопросов, связанных со свободой и рабством или еще шире с господством и подчинением, приобретал новый аспект, рассматривался под иным углом зрения²⁵. Кроме развития рабства строй античного города-государства предопределял и некоторые другие аспекты эволюции античного мира.

Господство мелкой индивидуальной собственности, свободного мелкого производства, которое при всем стремлении к автаркии не могло быть самоудовлетворяющимся, стимулировало отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие обмена, товарно-денежных отношений, неизбежно приводивших к появлению и обострению имущественного неравенства граждан. Войны лишь временно смягчали его за счет раздела земли и добычи. В конечном же итоге они только углубляли различие между богатыми и бедными. Значительная часть материальных ценностей, захваченных на войне и в покоренных землях, концентрировалась в руках сравнительно небольшой группы военачальников, наместников, сборщиков податей, купцов, ростовщиков и тому подобных дельцов. Свои средства они вкладывали в приобретение земли,

²⁵ См.: Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М., 1964, стр. 160–197.

торговые и финансовые операции на родине. Быстро росли спрос на предметы роскоши и потребность в наличных деньгах. Возникали и очень крупные состояния и средние, дававшие своим владельцам приличный доход. Другие, и таких было большинство, разорялись, теряли свои наделы, уходили в поисках заработка и вспомоществования в города, нанимались в солдаты, уезжали в поисках счастья во вновь завоеванные земли.

Население смешивалось, ослабевали старые и возникали новые связи, исчезали старые традиции и устои, обострялись до крайности социальные конфликты. Наиболее богатые стремились сосредоточить всю власть в своих руках, оттеснив от нее плебс. Беднота требовала передела земли и сложения долгов, возвращения к старым идеализированным временам равенства и экономической независимости граждан. Средние слои и прежде всего выходцы из среды купцов, владельцев ремесленных мастерских и ростовщиков, новые собственники имений в несколько десятков гектаров, возделываемых 10–15 рабами, хотели такого строя, который бы позволил им спокойно пользоваться своим состоянием, не опасаясь ни покушений со стороны крупных собственников на их земли, ни пагубных для них гражданских войн и восстаний рабов. Рабы, главным образом из числа городских, постоянно общавшихся с городской беднотой, поддерживали последнюю в ее борьбе, надеясь в случае победы вождей плебса получить от них свободу; сельские же рабы, изолированные от свободного населения в крупных и средних имениях, восставали самостоятельно и, хотя им ни разу не удалось надолго закрепить победу, «рабские войны», как их называли древние историки, потрясали экономику и политический строй античных государств. В результате всех этих явлений и процессов города-государства оказывались в состоянии жестокого кризиса.

Важнейшим следствием кризиса было то обстоятельство, что полисы в качестве либо побежденных, а таких было огромное большинство, либо союзников включались в состав крупной державы, какими были эллинистические царства, возникшие в Восточном Средиземноморье после походов Александра Македонского. Некоторые полисы объединялись в независимые союзные государства, и лишь Рим из полиса перерос в крупнейшую державу античного мира. На примере Рима особенно ясно видно, как внутренний кризис города-государства переплетается с кризисом, вызванным трудностью управления завоеванными территориями, и усугубляется им. Провинции, обиравые и приниженные, беспрерывно восставали. По признанию знаменитого оратора и политического деятеля конца республики Цицерона, самое имя римлян было ненавистно провинциалам. Римский сенат смотрел на провинции как на объект грабежа, а на должность провинциального наместника – как на самое верное и естественное средство обогащения, он подавлял восстания, но не пытался предотвратить их, создать какой-то привилегированный слой провинциального населения, который мог бы стать широкой опорой римской власти. Когда римские гражданские войны вышли за пределы Италии и ареной их стали западные и восточные провинции, подавляющее большинство провинциалов сначала поддерживали, как могли, армию Цезаря, выступавшего против сената, затем наследника Цезаря – Октавиана, ставшего императором Августом. Наряду со средними слоями Италии и армией, превратившейся в наемную и состоявшей в основном из бедноты, рассчитывавшей получить за свою службу земельные наделы из конфискованной у сенаторов земли, провинциалы были той силой, которая вызвала крушение республиканского строя и обусловила переход к единоличной власти императоров²⁶, главной опорой которых были именно города, старые и новые полисы. Римляне называли их муниципиями и колониями.

В некотором отношении они значительно изменили свою природу городов-государств. Утратив самостоятельность, они оказались в зависимости от центрального правительства и

²⁶ О времени гражданских войн, падении республики и возникновении империи см. кн.: Н. А. Машкин. Принципат Августа. М. – Д., 1949; С. Л. Утченко. Кризис и падение римской республики. М., 1965; он же. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

были обязаны платить подати, выполнять повинности и повиноваться во всех более серьезных делах, касавшихся общей политики империи. Только мелкие внутренние дела решались городскими магистратами, советом и народным собранием. Последнее также обычно играло весьма незначительную роль, так как строй городов значительно аристократизировался. Управление сосредоточивалось в руках землевладельцев, поскольку избираться в городские магистраты, а затем входить в совет города могли только лица, владевшие недвижимостью определенной стоимости и принадлежавшие к так называемому сословию декурионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.